

Таша Ким

Эрис. В поисках счастья

«Литнет»

2026

Ким Т.

Эрис. В поисках счастья / Т. Ким — «Литнет», 2026

Молодая и амбициозная биатлонистка Эрис живёт в ритме бесконечных тренировок, где главная цель — победа на соревнованиях. Но однажды во время снежной бури, сбившись с пути, она оказывается не просто в зимнем лесу, а в параллельном мире, где время словно остановилось в эпохе княжеств, междоусобных войн и суровых законов тайги. Это история о том, как, потеряв всё привычное, можно найти себя. О столкновении двух миров — привычного, комфортного и незнакомого, с первобытными законами. И о том, что иногда, чтобы найти дорогу к счастью, нужно сначала потерять путь. Огромная благодарность за обложку для этой истории моей дочери Полине.

© Ким Т., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Глава 1

Утро выдалось морозным. Солнце только-только начало пробиваться сквозь густую пелену облаков, окрашивая заснеженные вершины елей в нежно-розовый цвет. Воздух был настолько прозрачным и колким, что каждый вдох обжигал лёгкие, а выдыхаемый пар тут же превращался в иней на ресницах.

Эрис стояла на краю стрельбища, вглядываясь в бескрайнюю белую даль. Её высокая, стройная фигура в обтягивающем темном комбинезоне казалась выточенной из мрамора. Тёмные, выющиеся волосы, обычно буйные и непослушные, сегодня были туго стянуты в высокий хвост и спрятаны под яркую красную шапку с помпоном, открывая лицо с высокими скулами и упрямым подбородком. В больших карих глазах, цвета крепкого чая, читалась не усталость, а стальная решимость.

— Эрис! — раздался хриплый голос тренера, Виктора Петровича. Он подошёл, тяжело ступая по скрипучему снегу. Это был мужчина старой закалки, повидавший на своём веку десятки чемпионов. — Опять мечтаешь? До старта две недели. Мечтать будешь на пьедестале.

— Я не мечтаю, Виктор Петрович. Я визуализирую маршрут, — спокойно ответила девушка, не отрывая взгляда от мишеней вдалеке.

— Визуализирует она... — проворчал тренер, но в его голосе не было злости, только отеческая забота. — Ладно, философ. Разминайся. Сегодня работаем на выносливость. Никаких поблажек.

Тренировка началась с изнурительного кросса по глубокому снегу. Эрис бежала легко и упруго, словно лань. Лыжня петляла между вековыми соснами, ветви которых гнулись под тяжестью снега. Но Эрис не замечала этой сказочной красоты вокруг, её взгляд был сосредоточен на лыжне.

Виктор Петрович ехал рядом на снегоходе, сверяя время по секундомеру.

— Темп держи! Не сбавляй! — кричал он ей вслед. — Ты должна быть легче пёрышка на подъёме!

Эрис чувствовала, как горят мышцы ног, как сердце бешено колотится где-то в горле, но она лишь плотнее сжимала зубы. Она знала: боль — это лишь сигнал тела о том, что оно ещё живо и способно на большее.

Спустя час кросс сменился стрельбой. Лёгкие горели огнём, руки предательски дрожали от напряжения. Эрис упала на коврик, приняла положение лёжа и замерла. Мир сузился до одной точки — чёрного кружка мишени в пятидесяти метрах.

— Дыши! — голос тренера доносился словно из-под воды. — Сердце под контроль! Выдох — выстрел!

Она сделала медленный вдох, задержала дыхание и плавно нажала на спусковой крючок. Щелчок. Тишина. В наушниках раздался сухой треск — попадание.

— Есть! — крикнул Виктор Петрович. — Ещё четыре!

Следующие четыре выстрела последовали с механической точностью. Пять попаданий. Пять идеальных «десяток».

Эрис медленно опустила винтовку и поднялась на ноги. Морозный воздух обжигал разгорячённое лицо.

— Неплохо для философа, а? — с лёгкой улыбкой бросила она подошедшему тренеру.

Виктор Петрович снял шапку и вытер пот со лба, хотя на таком морозе это казалось невозможным.

— Неплохо... для будущей чемпионки. Но завтра я добавлю ветер. И не смей мне больше про визуализацию заливать.

Он похлопал её по плечу тяжёлой ладонью.

— Иди грейся. Чай с мёдом ждёт. И чтобы завтра была здесь в восемь ноль-ноль.

Эрис кивнула и медленно побрела к базе. За её спиной садилось солнце, окрашивая снег в багряные тона. Она чувствовала себя опустошённой, но эта была та самая сладкая усталость победителя. Впереди были ещё сотни часов тренировок, литры пота и слёз разочарования. Но сейчас, глядя на алый закат над заснеженным лесом, она точно знала: она справится. Её имя — Эрис. И она пришла в этот спорт не просто бороться и участвовать. Она пришла побеждать.

Тренировочная неделя пролетела в одном темпоритме: комплексные тренировки, кросс, стрельба, совершенствование техники.

Наконец Виктор Петрович объявил два выходных дня, но взял с каждого спортсмена слово, что они на выходном не забудут о лыжах.

Эрис лишь кивнула головой и развернувшись, поспешила к автобусу, который ждал за воротами спортивной базы.

Дом встретил Эрис теплом и запахом свежей выпечки. Она с трудом стянула с себя тяжёлый пуховик, от которого ещё веяло уличной стужей, и, оставив у порога промокшие от снега ботинки, прошла в гостиную. Здесь, в старом бревенчатом доме на окраине посёлка, время словно текло медленнее, чем в шумном мире спортивных арен.

Дед, Николай Андреевич, седой и статный, как вековая сосна, отложил в сторону газету. Его глаза, такие же карие, как у внучки, засветились тихой радостью. Мать, Елена Викторовна, невысокая и хрупкая, но с энергией, которой хватило бы на целый стадион, уже спешила из кухни, вытирая руки о клетчатый фартук.

— Ну, наконец-то! — воскликнула она, обнимая дочь. От неё пахло домом: ванилью, корицей и чем-то неуловимо родным. — Мы уж думали, ты не приедешь. Совсем тебя твой Петрович загонял. Отец звонил, зачёты принял, скоро будет.

— Он не загонял, мам, он готовит, — улыбнулась Эрис, чувствуя, как отпускает напряжение в плечах. — Это разные вещи.

Она поднялась в свою комнату, переделась в домашнюю удобную одежду. Оглядела родные стены. Грамоты. Медали. Кубки. Их было много. Родители очень гордились ее победами и берегли все награды. С первой (полученной ещё в детстве) до последней, на прошлых соревнованиях.

Услышав шум внизу (отец приехал!) Эрис поспешила в гостиную.

Роман Николаевич распахнул объятия для любимой дочери. Обнял крепко, по-отечески, посмотрел в глаза с немым вопросом: "Как ты?"

-Все хорошо, пап, я справляюсь.

Стол в гостиной был накрыт по-деревенски щедро. В центре исходила паром большая сковорода с жареной картошкой и грибами — лесными, отец сам собирал их осенью. Рядом стояла миска с квашеной капустой, хрустящей и ядрёной, и тарелка с тонко нарезанным солёным салом. Но главным украшением была большая керамическая форма с пирогами. Румяная корочка блестела, а из-под неё проглядывали кусочки курицы и лука.

Отец разлил по рюмкам ледяную, тягучую настойку на смородиновых почках.

— Ну что, дочь? За твои выходные. И чтобы все мишени были поражены

— Рома! — укоризненно протянула Елена Викторовна, но тоже взяла свою рюмку. — Давайте сегодня без спорта.

— Это для сугреву, мать. Чисто символически.

Эрис подняла свой бокал с соком.

Ужин проходил неспешно. За окном уже совсем стемнело, и только фонарь над крыльцом выхватывал из мрака кружащиеся снежинки.

— Как трасса-то? Не разбили ещё? — спросил отец, накладывая дочери добавку картошки.

— Трасса в порядке. Снег свежий выпал, укатывают каждый вечер. Но на стрельбище ветер поднялся к вечеру, с ног сбивал.

— А ты не слушай его, ветер этот. У тебя своя траектория, — наставительно сказал Николай Андреевич. — Я вот помню, на чемпионате области в восемьдесят девятом...

— Опять ты со своим восемьдесят девятым, дед! — засмеялась Эрис. Эту историю она слышала раз двадцать, но каждый раз слушала с удовольствием.

Мать тем временем внимательно разглядывала лицо дочери.

— Ты бледная какая-то стала. И круги под глазами. Ты хоть ешь там нормально? Или на одной овсянке сидишь?

— Ем я, мам, ем. Петрович лично за рационом следит. Даже шоколадку иногда разрешает.

Елена Викторовна покачала головой:

— Шоколадка... Вот пирог с вишней возьми с собой. Я тебе свежий испеку. А то иссохнешь вся на этих ветрах.

Эрис посмотрела на родных. Отец с увлечением рассказывал о том, как правильно смазывать лыжи парафином при минус пятнадцати и высокой влажности — тонкости, которые она знала лучше него самого, но слушала молча, наслаждаясь звуком его голоса. Мать хлопотала вокруг стола, подкладывая ей лучшие куски. Дед улыбался в бороду, подмигивая внучке.

В этом доме не было места суете большого спорта. Здесь её любили не за медали и секунды. Её любили просто так — за то, что она их дочь и внучка. И эта простая, безусловная любовь была той самой тихой гаванью, где можно было сбросить броню железной воли и стать просто уставшей девушкой по имени Эрис.

После ужина она долго сидела у окна своей детской комнаты, глядя на спящий посёлок под белым одеялом зимы. Внизу родители негромко переговаривались на кухне. Дом поскрипывал старыми половицами, будто убаюкивая её.

Выходные пролетят оставляя в сердце тепло и уют, а потом снова подъём в шесть утра. Снова мороз, ветер и требовательный голос тренера. Но сейчас она была дома. И это чувство было сильнее любой усталости.

Утро ворвалось в комнату Эрис ослепительным светом, отражённым от девственно-белого снега. За окном стоял трескучий мороз, и воздух, казалось, звенел от чистоты. Это был не тот, вымученный холод тренировочного стрельбища, а бодрящий, живой мороз, пахнувший свежестью и хвоей.

Отец уже ждал её внизу, полностью экипированный. Роман Николаевич, несмотря на возраст, выглядел в своём старом лыжном костюме внушительно. На плече у него висели две пары деревянных, любовно натертых мазью лыж.

— Проспишь, чемпионка, — с улыбкой сказал он, протягивая ей одну из пар. — Сегодня у нас не тренировка, а прогулка. Но это не значит, что я дам тебе фору.

Эрис фыркнула, принимая лыжи. Они вышли на крыльцо, и их дыхание тут же превратилось в густые клубы пара. Мир вокруг был укутан в плотное снежное одеяло. Сосны стояли, словно великаны в белоснежных тулупах, а ели опустили свои лапы под тяжестью пушистых

шапок. Солнце, хоть и не грело, заливало всё вокруг таким ярким светом, что приходилось щуриться.

Они заскользили по широкой просеке, ведущей вглубь леса. Лыжи пели свою привычную песню — мерный, убаюкивающий скрип. Воздух был таким ледяным и колким, что обжигал ноздри при каждом глубоком вдохе, но после этого по телу разливалась волна тепла и энергии.

— Ну что, старичок, готов к поражению? — с вызовом крикнула Эрис через плечо, набирая скорость.

— Старичок? — отец усмехнулся в усы. — Я тебя ещё на руках носил, когда ты на этих лыжах стоять не умела!

Он оттолкнулся палками и мощно пошёл на обгон. Несмотря на возраст, его техника была безупречной — широкий, экономный шаг, отточенный десятилетиями.

— Папа! Это нечестно! Ты на мази для профессионалов! — засмеялась Эрис, видя, как отец уходит вперёд.

— В спорте всё честно! — донеслось до неё эхо его голоса.

Эрис включила спортивный азарт. Это была их старая игра. Она сократила амплитуду шага, увеличивая частоту, и пошла «ёлочкой» в крутой подъём, который отец преодолевал по дуге. Мышцы ног тут же отозвались приятной болью. Она догнала его на вершине холма и с торжествующим видом вырвалась вперёд на спуске.

Ветер засвистел в ушах, ели слились в сплошную зелёную стену. Она неслась вниз, чувствуя абсолютную свободу и единение с этим зимним миром.

— Эрис! Тормози! Там овраг! — крикнул отец откуда-то сзади.

Она ловко выполнила поворот «плугом», подняв фонтан снежной пыли, и остановилась, заливаясь смехом. Отец подъехал к ней через минуту, тяжело дыша.

— Дурёха! А если бы я не успел предупредить? Сломала бы себе всё!

— Но ведь успела же! — она хитро прищурилась и ткнула его лыжной палкой в плечо. — Признай, ты испугался за меня.

— Я испугался, что Петрович с меня голову снимет раньше, чем ты до финиша доберёшься.

Они остановились на небольшой поляне, окружённой молодыми берёзами. С веток свисали огромные белоснежные гроздья инея, сверкая на солнце как бриллианты. Роман Николаевич достал из рюкзака термос.

— Держи. Горячий чай с чабрецом. А то язык на плечо повесила.

Эрис с благодарностью приняла кружку. Обжигающий чай показался ей вкуснее любого деликатеса. Они стояли посреди этой сказочной тишины, нарушаемой лишь потрескиванием веток на морозе и их собственным дыханием.

— Знаешь, пап... — задумчиво сказала Эрис, глядя на заснеженные вершины елей. — Здесь так спокойно. На стрельбище всегда есть цель, мишень, секундомер. А здесь... просто жизнь.

Отец кивнул:

— Это и есть жизнь, дочь. Не забывай об этом между стартами и финишами. Иногда нужно просто ехать вперёд и слушать, как поют лыжи.

Они постояли ещё немного, допивая чай и наслаждаясь моментом абсолютной тишины и гармонии. А потом так же неспешно повернули к дому, оставляя за собой две ровные строчки следов на нетронutom полотне зимы.

Утро выдалось пасмурным. Небо затянуло тяжёлой, серой пеленой, и казалось, что вот-вот повалит снег. Воздух был неподвижным и плотным, словно перед бурей. Эрис стояла на

крыльце с рюкзаком за плечами, уже полностью собранная. Отец укладывал сумки с вещами и гостиницами в багажник старенькой «Нивы».

Мать вышла на порог, накинув на плечи пуховый платок. В её глазах застыла та особенная материнская тревога, которая не проходит с годами, сколько бы побед ни одержала её дочь.

— Ты точно всё взяла? Термобельё чистое положила? А шапку новую? На улице ветер поднимается.

— Мам, я всё взяла, — Эрис мягко улыбнулась и обняла мать, вдыхая знакомый запах домашней выпечки, который, казалось, навсегда впитался в её свитер. — Не переживай. Я же не на войну еду.

— На войну не на войну, а сердце всё равно не на месте, — вздохнула Елена Викторовна, прижимая дочь к себе так крепко, будто боялась отпустить.

Николай Андреевич захлопнул багажник и подошёл к ним. Он ничего не сказал, просто обнял обеих своих женщин сильными руками. В этом молчании было больше слов, чем в любой длинной речи.

— Ну что, поехали? А то Петрович там уже небось все часы взглядом просверлил, — сказал он наконец, отстраняясь. Голос его был ровным, но Эрис заметила, как дрогнули морщинки в уголках его глаз.

Поцелуй, последние наставления, обещание звонить каждый вечер. Наконец Эрис села в машину. Она опустила стекло и выглянула наружу.

— Я буду скучать! — крикнула она. — И в следующие выходные обязательно приеду! И на лыжной прогулке я тебя сделаю, слышишь? Обгоню на том самом подъёме!

Отец усмехнулся в усы:

— Это мы ещё посмотрим! Я тебе фору-то давать не собираюсь.

Мать только махала рукой, пытаясь скрыть навернувшиеся слёзы.

«Нива» тронулась с места, разбрызгивая комья мокрого снега из-под колёс. Эрис смотрела в заднее стекло до тех пор, пока родительский дом не скрылся за поворотом лесной дороги. На душе было тепло от прощания и немного грустно.

Дорога до спортивного лагеря занимала почти три часа. Сначала они ехали по поселковой грунтовке, а потом свернули на федеральную трассу. Мир за окном изменился. Вместо сказочного леса потянулись поля, укрытые ровным слоем снега, а затем замелькали перелески и редкие деревни с дымищими трубами.

Дед включил негромко радио. Из динамиков полился голос диктора, говорящий о прогнозе погоды и пробках.

— Снега обещают. Это хорошо для вас, — заметил Николай Андреевич, не отрывая взгляда от дороги. — Свежий наст — это всегда плюс для скольжения.

Эрис кивнула, глядя на серую ленту шоссе.

— Да. Главное, чтобы ветер не поднялся. А то стрельбище снесёт.

Они ехали молча ещё некоторое время. Каждый думал о своём. Эрис прокручивала в голове план тренировок на неделю: интервальные забеги, работа над техникой конькового хода, отработка стрельбы в условиях нестабильной мишени... Но мысли постоянно возвращались к тёплой кухне, запаху пирогов и смеху отца.

— Ты там не перегори, — вдруг серьёзно сказал дед, нарушив тишину. Он мельком взглянул на внучку. — Знаю я этот взгляд. Вижу его у тебя с детства перед важными стартами. Ты сейчас вся там, на финише. Но путь к нему длинный. Шаг за шагом.

— Я знаю, дед. Я стараюсь.

Когда впереди показались знакомые ворота спортивного комплекса с эмблемой федерации биатлона, Эрис почувствовала привычное волнение. Здесь всё было другим: строгим, функциональным, пропитанным запахом талого снега и машинного масла от ратраков.

Николай Андреевич припарковал машину у административного корпуса.

— Ну что ж... Давай, дочь. Покажи им всем класс.

Он крепко пожал ей руку по-мужски, сильно и уверенно.

Эрис вышла из машины, закинула рюкзак на плечо и достала сумки из багажника. Ветер здесь действительно усилился и пробирал до костей.

Она обернулась к деду:

— Спасибо за выходные!

Тот кивнул:

— Будем ждать тебя после соревнований. И помни про подъём!

Эрис улыбнулась ему в последний раз и пошла по расчищенной дорожке к жилому корпусу. Впереди её ждал мир строгого режима и изнурительных тренировок. Но теперь у неё был запас тепла и силы, который она увезла с собой из дома в самом надёжном багаже — в своём сердце.

Утро ворвалось в тишину лагеря резким, требовательным свистком тренера. Мир за окном был не просто белым — он был соткан из молочной мглы. Крупные, влажные хлопья снега валили так густо, что соседний корпус угадывался лишь по размытому жёлтому пятну фонаря.

Эрис вышла на старт одной из первых. В отличие от других, кто ёжился от холода и недовольно бурчал на погоду, она вдохнула этот влажный воздух с удовольствием. Для неё такая погода была вызовом. Снег скрадывал звуки, обострял другие чувства, заставлял концентрироваться.

— Группа, внимание! — гаркнул Виктор Петрович, стоявший на старте с рацией и секундомером. — Работаем в среднем темпе, три круга. Задача — отработка техники, а не скорость. Эрис, ты замыкающая, следишь за темпом группы.

Эрис лишь молча кивнула, пряча улыбку под высоким воротником. «Замыкающая». Как же.

Стартовый сигнал разорвал тишину. Группа лыжников рванула вперёд, оставляя за собой две глубокие, тёмные колеи на свежевыпавшем снегу. Первые пять минут Эрис действительно держалась в хвосте, оценивая темп и состояние трассы. Снег под лыжами был тяжёлым, липким, но она знала, как с ним работать.

Выждав момент, она плавно увеличила амплитуду толчка. Её движения были экономными и мощными. Она не рвала жилы, а словно перетекала из одного шага в другой. Группа начала понемногу отставать. Сначала на корпус, потом на десять метров.

— Эрис! Темп! — донесся раздражённый голос тренера по рации, закреплённой у неё на поясе.

Она не ответила. Она уже была в своём мире. Вокруг неё стеной стояла белая тишина. Снегопад усиливался с каждой минутой, превращая лес в сплошное белое море. Ветви елей сгибались под тяжестью мокрого снега.

На последнем подъёме перед разворотом она оторвалась от группы окончательно. Оглянувшись назад, она увидела лишь смазанные цветные пятна курток где-то далеко внизу.

Чистое скольжение, — подумала она, чувствуя, как лыжи сами несут её вниз по склону.

Она проскочила разворотный флажок и пошла на второй круг в одиночестве. Это было упоительное чувство свободы. Но тут рация снова ожила.

— Эрис! Приказываю вернуться! Снег усиливается, видимость нулевая! Это не обсуждается!

Голос Виктора Петровича был непривычно резким и тревожным. Эрис посмотрела вверх. Небо стало почти чёрным от туч, а снег валил уже не хлопьями, а сплошной горизонтальной стеной, гонимый порывами ветра.

Она приняла решение мгновенно. Разворачиваться здесь было опасно — слишком крутой спуск. Она проехала ещё метров триста до более пологого участка и начала разворот «ёлочкой».

Встав на новый курс — обратно к базе — она почувствовала укол тревоги. Трасса должна была идти прямо вдоль опушки леса, а затем резко уходить вправо к стрельбищу. Но сейчас лес слева превратился в сплошную белую стену. Не было видно ни флажков, ни следов от ратрака.

Она остановилась, воткнув палки в снег. Мир исчез. Вокруг была только белая, клубящаяся мгла. Ветер усилился, бросая в лицо колющие крупинки снега.

Спокойно, — приказала она себе. - Ты просто сбилась с курса. Лес слева — значит, я иду правильно.

Она снова оттолкнулась палками и заскользила вперёд, стараясь держать максимально прямой курс.

Но через несколько минут паника начала подкрадываться снова. Она не видела базы. Не слышала голосов других спортсменов или шума ратраков. Только скрип собственных лыж и завывание ветра.

Она остановилась во второй раз и достала из кармана компас. Стрелка дрожала, но показывала верное направление — на юг, к базе.

Я иду правильно — попыталась убедить она себя, но голос в голове звучал неуверенно.

Снегопад превратился в настоящую метель. Видимость сократилась до нескольких метров. Эрис поняла, что она одна посреди бушующей стихии, и привычный мир со своими правилами и трассами перестал существовать.

Снегопад прекратился так же внезапно, как и начался. Будто кто-то там, наверху, гигантским щелчком выключил небесный душ. Ветер стих, и над лесом повисла абсолютная, звенящая тишина. Эрис остановилась, подняв лицо к небу. Тяжёлые тучи всё ещё висели низко, но теперь они были неподвижны, словно нарисованные на сером холсте.

Мир преобразился. Снегопад прекратился, оставив после себя картину невероятной, сказочной красоты. Каждая ветка ели, каждый куст был укутан толстым, пушистым слоем свежевыпавшего снега. Лес стоял, словно заколдованный. Не было ни лыжни, ни флажков, ни следов ратрака. Не было ничего, что напоминало бы о спортивном лагере и цивилизации. Только первозданная, дикая красота зимнего леса.

Эрис сняла перчатку и зачерпнула горсть снега. Он был лёгким и сухим, как пух.

Куда же идти? — мысль билась в голове, но уже без паники, а с холодным, аналитическим спокойствием. Рация молчала. Ни треска помех, ни голоса тренера. Мёртвая тишина.

Она решила довериться компасу и интуиции. Двигаясь на юг, она медленно скользила между деревьями. Лыжи утопали в свежем снегу, и каждый шаг требовал усилий. Это был уже не спорт, а борьба за выживание.

Вдруг Эрис замерла. Она резко втянула носом морозный воздух. К привычным запахам хвои, мороза и чистого снега присоединился ещё один. Едва уловимый, но такой родной и желанный — запах древесного дыма.

Сердце пропустило удар. Дым! Значит, где-то рядом люди!

Она пошла на запах, как по ниточке. Через несколько минут лесная чаща расступилась, и она выехала на небольшую, идеально круглую поляну. Посреди неё стояло зимовье.

Это была небольшая, но добротная изба из потемневших от времени и непогоды брёвен. Из жестяной трубы на крыше мирно вился сизый дымок, уходя вертикально вверх в неподвижный воздух.

Рядом с избой, под навесом, был сложен аккуратный штабель дров. Чуть поодаль Эрис заметила ещё одно строение — маленький сарай или баньку.

Эрис сняла лыжи и воткнула их в сугроб у крыльца. Она поднялась по скрипучим ступенькам и осторожно постучала в массивную деревянную дверь.

Тишина.

Она постучала снова, чуть громче.

— Эй! Есть кто живой? Я заблудилась! Я спортсменка из лагеря!

Ответом ей была лишь тишина зимнего леса. Но дым из трубы не прекращался. Кто-то был внутри.

Эрис нерешительно потянула за ручку двери. Дверь поддалась с лёгким скрипом.

— Здравствуйте! — её голос прозвучал неуверенно в тёмных сенях. — Можно войти? Я не враг... я просто... заблудилась.

Из глубины избы не донеслось ни звука, но Эрис чувствовала — там кто-то есть. И этот кто-то сейчас внимательно слушает её в этой оглушающей тишине.

Глава 2

Внутри избушки царил густой, пахнувший сушёными травами и смолой полумрак. Единственным источником света было небольшое окошко, через которое пробивался тусклый серый свет дня. Эрис застыла на пороге, не решаясь сделать шаг внутрь. Её глаза ещё не привыкли к темноте после ослепительной белизны леса.

Внезапно из самого тёмного угла, из-за массивной, закопчённой печи, донёсся низкий, утробный звук. Эрис вздрогнула и вжалась в дверной косяк. В следующее мгновение из темноты сверкнули две яркие, янтарно-жёлтые точки. Они не мигая уставились прямо на неё.

Медленно, с грацией, от которой захватывало дух, из-за печи вышло животное. Это была огромная кошка. Её густой мех был жёлто-коричневого цвета с тёмными, почти чёрными пятнами и полосами, что делало её идеальным призраком леса. Короткий, будто обрубленный хвост нервно подёргивался. Уши венчали характерные тёмные кисточки, а по бокам широкой морды топорщились пышные «бакенбарды».

Это была рысь.

Она не проявляла открытой агрессии. Её поза выражала скорее настороженное любопытство. Она склонила голову набок, изучая незваную гостью своими пронзительными, умными глазами. Эрис перестала дышать. Она слышала только стук собственного сердца, который, казалось, отдавался эхом по всей избушке.

«Не двигайся», — мысленно приказала она себе. — «Она просто охраняет территорию. Не провоцируй её».

Но тело не слушалось разума. Её рука, сжимавшая лыжную палку, дрогнула на миллиметр. Этого оказалось достаточно. В тот же миг выражение морды зверя изменилось. Любопытство сменилось холодной угрозой. Верхняя губа дёрнулась вверх, обнажая ряд острых зубов и длинные клыки. Из груди вырвалось глухое, утробное шипение, от которого кровь застыла в жилах.

Эрис окаменела. Каждая мышца в её теле напряглась до предела. Она стояла в абсолютной неподвижности, боясь даже моргнуть. Время растянулось в бесконечность. Секунды превратились в минуты. Минуты — в вечность.

Так прошло около двух часов. Эрис потеряла счёт времени. Её ноги налились свинцовой тяжестью, а спина начала ныть от неестественного напряжения. Но она не смела шелохнуться. Взгляд рыси был прикован к ней, не отпуская ни на миг.

Вдруг за её спиной раздался тихий, едва слышный скрип. Дверь распахнулась, впуская внутрь волну ледяного воздуха, которая обожгла её ноги даже сквозь плотную ткань термокомбинезона.

Рысь мгновенно среагировала на звук. Её уши повернулись в сторону двери, а взгляд метнулся от Эрис к входу. Шипение прекратилось так же резко, как и началось. Зверь припал к полу, его мышцы напряглись для прыжка... но он не прыгнул на Эрис. Он смотрел мимо неё.

Эрис почувствовала, как по спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с морозом снаружи. Кто-то стоял у неё за спиной.

— Не двигайся, девочка, — раздался низкий, чуть хриплый мужской голос. Голос был спокойным и властным, без тени удивления или страха. — Она не тронет тебя, пока ты не шевелишься.

Эрис хотела было обернуться или ответить, но голос остановил её:

— Тихо. Просто стой смирно.

Она услышала мягкие шаги за спиной. Человек прошёл мимо неё внутрь избушки. Это был высокий старик в длинной овчинной шубе и меховой шапке, надвинутой на самые глаза. Его седая борода была покрыта инеем.

Он не обращал на Эрис никакого внимания. Его взгляд был прикован к рыси.

— Ну-ну, Мурка, — ласково, но твёрдо произнёс он. — Свои.

Он сделал шаг к печи и взял с широкой полки небольшой кусок вяленого мяса на кости.

— На-ка вот... Иди на место.

Он бросил угощение в дальний угол избы. Рысь, не сводя глаз со старика и лишь коротко глянув на Эрис, бесшумно скользнула в темноту и принялась за еду.

Только теперь старик повернулся к Эрис. Он внимательно осмотрел её с ног до головы своим пронзительным, выцветшим взглядом.

— Заходи уж, коли пришла. Замёрзнешь на пороге-то.

Только сейчас Эрис поняла, что может двигаться. Ноги были как ватные, но она заставила себя сделать шаг внутрь и закрыть за собой дверь, отсекая холод внешнего мира и оставляя снаружи огромного лесного хищника и свои страхи.

Старик молча кивнул ей на широкую лавку у стены, застеленную старым, но чистым тулупом. Сам он, кряхтя, опустился на массивный табурет у стола. В избушке было жарко натоплено, пахло сушёной малиной, мятой и тем самым, живым теплом, что идёт от хорошо просушенных берёзовых дров.

Эрис села, всё ещё чувствуя дрожь в коленях — то ли от холода, то ли от пережитого страха. Она стянула шапку, и её тёмные, влажные от растаявшего снега кудри рассыпались по плечам. Рысь, которую старик назвал Муркой, уже свернулась в углу в огромный пушистый клубок и, казалось, задремала, лишь изредка приоткрывая один янтарный глаз.

— Спасибо вам огромное, — начала Эрис, голос её звучал хрипло после долгого молчания. — Я думала... я думала, она меня растерзает. Я даже дышать боялась.

Старик неторопливо налил из закопчённого котелка, стоявшего на печи, горячий травяной отвар в две деревянные кружки. Одну он подвинул к Эрис. Пар от неё пах чабрецом и чем-то смолистым.

— Мурка зверь умный, зря не нападает. Ты на её территорию без спросу вошла, вот она и показала, кто тут хозяин. А ты молодец, выдержку проявила. Не побежала. А то бы худо было.

Эрис обхватила кружку озябшими пальцами, чувствуя, как живительное тепло разливается по телу.

— Я... я даже не знаю, как вас благодарить. Я вообще не должна была здесь оказаться. Я заблудилась. У нас тут недалеко спортивный лагерь, я готовлюсь к соревнованиям...

Она говорила быстро, словно боялась, что её не дослушают. Ей хотелось объяснить всё: и про изнурительные тренировки, и про строгого тренера Виктора Петровича, и про то, что она — биатлонистка.

— Я спортсменка. Биатлон. Знаете? Это когда на лыжах бегут и стреляют по мишеням.

Старик слушал её внимательно, но его лицо оставалось непроницаемым. Он поднёс кружку к губам, отхлебнул отвара и вытер седые усы тыльной стороной ладони. В его выцветших голубых глазах не было ни капли узнавания.

— Лыжи... — задумчиво протянул он, глядя куда-то мимо неё. — Лыжи я видел. У порога лежат. Диковинные. Узкие больно, длинные. И палки странные.

Эрис воспрянула духом.

— Да! Это палки для конькового хода! А лыжи с карбоновым сердечником! У вас тут просто снегопад был жуткий, видимость нулевая, я с трассы сбилась...

Она осеклась. Старик смотрел на неё с тем же спокойным интересом, с каким минуту назад смотрела рысь. Он не понимал ни слова.

— Сбились? — переспросил он. — Трасса? Какая такая трасса?
Эрис почувствовала, как внутри всё холодеет.

— Ну... лыжня. По которой мы катаемся. Её ратраком укатывают.
Старик нахмурил густые брови.

— Рат... как? Не знаю таких слов. И одежда на тебе чудная. Тонка больно для зимнего лесу. В такой только до ветру сбегать, а не по тайге ходить.

Он постучал узловатым пальцем по её яркой спортивной куртке.

В избушке повисла тяжёлая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием поленьев в печи и мурлыканьем рыси.

— Подождите... — голос Эрис дрогнул. — Вы хотите сказать... Вы не знаете про спортивный лагерь? Про биатлон?

Старик покачал головой.

— Я в этих краях всю жизнь охочусь. И отец мой охотился, и дед. И ни про какие лагеря не слыхивал. Тайга кругом да зимовья редкие. До ближайшей деревни верст сорок будет, если по прямой через урман идти.

У Эрис перехватило дыхание.

— Сорок километров? Но... но это невозможно! Лагерь должен быть совсем рядом, километров пять, не больше! Там вышки связи есть!

Старик пожал плечами.

— Вышки? Нет тут ничего такого. Лес да небо. И волки иногда воют по ночам.

Эрис посмотрела на свои руки, сжимавшие кружку так сильно, что побелели костяшки.

— Так вы говорите... вы никогда не слышали о биатлоне? О спортивных соревнованиях?

— Нет, дочка. Не слышал. У нас тут другие соревнования — кто силки на соболя лучше поставит да кто лося на гону возьмёт.

Эрис подняла на него глаза, полные растерянности и зарождающегося ужаса.

— А как далеко отсюда... ну... вообще цивилизация? Город какой-нибудь? С людьми?

Старик задумался, глядя в маленькое окошко на серое небо.

— До людей путь неблизкий. Сначала до заимки Фрола идти дня два-три надо, а там уж и до тракта рукой подать. Но это если погода позволит и зверь не тронет.

«Два-три дня...» — пронеслось в голове у Эрис. — «Это же... это же бред какой-то».

Она посмотрела на старика. Он был абсолютно серьёзен. В его мире не существовало ни секундомеров, ни мишеней, ни спортивных баз. В его мире была только тайга, его рысь Мурка и вечная тишина заснеженного леса.

И Эрис впервые за всю свою жизнь почувствовала себя не спортсменкой-чемпионкой, а маленькой, потерявшейся девочкой в огромном и совершенно незнакомом мире.

Эрис поставила кружку на стол, руки её дрожали. Нужно было взять себя в руки. Нужно было найти хоть какую-то логику, хоть одну точку опоры в этом безумии.

— Меня зовут Эрис, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — А вас как зовут?

Старик кивнул, словно это было самым естественным делом — знакомиться посреди тайги.

— А меня кличут Савелием. Савелий я.

Эрис на секунду прикрыла глаза, собираясь с мыслями. В её мире не было просто Савелия. Были имена и отчества.

— А по отчеству? — спросила она, глядя ему прямо в глаза. — Как Вас по отчеству?

Савелий нахмурился. Морщины на его лбу стали глубже. Он непонимающе посмотрел на девушку, словно она задала вопрос на чужом, незнакомом языке.

— По отчеству? — переспросил он медленно, будто пробуя слово на вкус. — Не понимаю. Савелий я. И отец мой был Савелий. И дед. А другого имени нам не надобно.

Эрис почувствовала, как по спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с морозом за окном.

Просто имя. Без отчества.

В её голове, словно в калейдоскопе, начали бешено вращаться фрагменты пазла.

Сорок верст до заимки

Не слышал про лагеря.

Диковинные лыжи.

Чудная одежда.

Нет тут ничего такого

И это простое, архаичное Савелий.

— Подождите... — прошептала она, и голос её сорвался. Она вскочила с лавки, чуть не опрокинув кружку. Рысь в углу приоткрыла один глаз, но, увидев, что угрозы нет, снова лениво зажмурилась. — Вы... вы говорите как... как в книгах. Сорок вёрст. Не километров. Вёрст!

Савелий спокойно помешивал угли в печи кочергой. Его невозмутимость бесила и пугала одновременно.

— А как ещё-то? Верста она и есть верста. Мера длины.

— Но это же... это же старина! Так не говорят уже сто лет! И одежда! Ваша шуба... она же из натурального меха! И печь! У вас нет ни света, ни телефона! Ни рации! Как вы вообще здесь живёте?!

Её голос сорвался на крик. Эрис чувствовала, как к горлу подкатывает истерика. Это было слишком. Слишком нереально.

Савелий выпрямился и посмотрел на неё своим тяжёлым, выцветшим взглядом. В нём не было ни удивления, ни сочувствия. Только вековое спокойствие человека, для которого мир всегда был таким.

— Живу как все. Дрова рублю, зверя бью, избу топлю. Чего ж тут непонятного?

Эрис схватила за голову.

— Непонятно?! Всё непонятно! Я... я не могу быть здесь! У меня завтра тренировка! У меня соревнования через неделю! Я... я Эрис! Я из спортивного лагеря! Меня родители искать будут! Мама!!!

Она метнулась к двери и рывком распахнула её. Снаружи всё так же простирался бесконечный, нетронутый лес. Ни следа лыжни. Ни звука подъезжающей машины. Только тишина.

Она захлопнула дверь и прижалась к ней спиной, глядя на старика широко раскрытыми, полными ужаса глазами.

— Вы не понимаете... Я не могу здесь быть. Это какая-то ошибка. Это розыгрыш? Где камеры? Где съёмочная группа?!

Савелий лишь покачал головой и снова сел на табурет.

— Ты присядь, дочка. Отвару выпей, он с пустырником, успокаивает.

И тут Эрис поняла. Это не розыгрыш. Этот человек не актёр. Он настоящий. Его мир настоящий.

Фрагменты пазла сложились в жуткую, невозможную картину.

«Параллельный мир».

Слово вспыхнуло в сознании огненной надписью.

Отрицание рухнуло под тяжестью фактов.

— Нет... нет-нет-нет... — она сползла по двери на пол, обхватив колени руками. — Этого не может быть. Так не бывает. Это сон. Я просто ударила головой и лежу сейчас в сугробе...

Мурка подняла голову и издала низкий, утробный звук, похожий на вздох. Она посмотрела на бьющуюся в истерике девушку с чисто кошачьим недоумением: «И чего шумит? Тепло, сытно...».

Савелий же оставался невозмутим. Он видел подобное и раньше? Или для него это было в порядке вещей — заблудшие души из других миров? Он молча взял с полки деревянную ложку и начал что-то помешивать в небольшом котелке, висевшем над огнём. Запахло варёным мясом и травами.

Его спокойствие было страшнее любого крика. Оно подтверждало ужасную правду: пути назад нет. Она здесь. В другом мире.

Эрис сидела на полу и смотрела на свои яркие спортивные штаны, на свои лёгкие ботинки, на свою куртку с логотипом спонсора... Всё это казалось ей теперь чужим, инопланетным снаряжением.

Принятие обрушилось на неё ледяной волной.

Она одна.

В другом мире.

И никто не знает,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.